

О. А. Моисеева

Роль российского дипломатического корпуса на Балканах в македонском вопросе (1878–1903 гг.)*

С развитием национального самосознания у балканских народов, политическим освобождением от Турции и формированием собственных государств нарастает национально-политическая борьба за территории Македонии. Проект Н. П. Игнатьева единой Сан-Стефанской Болгарии оказался не реализован по результатам Берлинского конгресса — территория Болгарии была разделена¹. Сербь также не получили обещанного территориального расширения, греки в рамках Великой идеи² активно включались в борьбу за Македонию. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. македонский вопрос стал предметом внимания великих держав и приобрел статус международного значения. Россия как сторона, заинтересованная в окончательном разрешении Восточного вопроса³, на этом этапе придерживалась курса на поддержание статус-кво в Константинополе и Балканах. Дипломатическими мерами необходимо было урегулировать проблемы, связанные с борьбой славян с греками и турками за Македонию, не допустить начала военного конфликта и отсрочить разделение региона до более благоприятно для России времени.

* Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ, проект № 25-18-00670 «Российская политика “мягкой силы” и Османская империя XVIII — начала XX в.: поиск альтернативы военного противостояния».

Российская дипломатия в Македонии была представлена тремя консульствами: генеральное консульство располагалось в Салониках⁴, кроме того, было консульство в Ускюбе⁵ (Скопие) и вице-консульство в Битоли (с 1901 г. — консульство)⁶. Консулы действовали в рамках принятого внешнеполитического курса, их должностные функции были достаточно широкими: информирование своего правительства о политических, экономических и прочих аспектах жизни соответствующего консульского округа; сбор сведений с мест; защита интересов православного населения; решение кризисных вопросов; налаживание отношений с местным населением и духовенством и т.д. В константинопольское посольство направлялись пакеты донесений со всего Балканского полуострова, в том числе из Македонии. Донесения консулов богаты этнографическим и историко-политическим материалом, который постепенно вводится в научный оборот и является ценным источником по изучению методов мягкой силы — актуального направления в современной исторической науке, помогающего глубже и более разносторонне рассматривать решение македонского вопроса. Данная статья раскрывает применение методов мягкой силы (культурной дипломатии) российскими консулами внешнеполитического курса; анализируются способы мирного урегулирования македонского вопроса, предотвращения и смягчения национально-политических конфликтов.

Церковные методы борьбы за Македонию

Европейскую Турцию населяли различные национальности — болгары, греки, сербы, турки, албанцы, евреи, куцо-влахи и другие. Православное население, впрочем, зачастую не понимало, к какой славянской группе себя отнести — к болгарам, сербам или македонцам — и именovalo себя «райя» (христианские подданные султана). Борьба болгар, греков и сербов за македонские земли включала в себя в первую очередь национальную пропаганду и работу с неопределёвшимся населением. В рамках османской системы миллетов население делилось строго по конфессиональному признаку; законными представителями общин признавались только религиозные институты. Таким образом, борьба за национальную и политическую автономию могла вестись исключительно через церковь. Достижение таким легальным способом национального самоопределения через церковные территории, по сути, было борьбой за определение политических границ между независимыми государствами в будущем. Болгарский экзарх Иосиф говорил, что вначале необходимо подготовить население и только уже потом менять его политический статус⁷.

Каждое из государств, претендующих на Македонию, пыталось обосновать свое право на владение той или иной территорией⁸. Греческие притязания основывались на том, что Македония — колыбель эллинской цивилизации, т.е. исконная территория проживания греческого народа. Болгары, основываясь на языковом, религиозном и культурном родстве с македонскими болгарями,

безапелляционно объявляли Македонию неотъемлемой частью Болгарского государства⁹. Сербия основывала историческое право на кратковременном сербском господстве над Македонией во время правления Стефана Душана, когда в 1282 г. окрепшая Сербия присоединила к своим границам часть Северной Македонии вместе со Скопие, а после победы у Вельбужда в 1330 г. утвердила свое господство¹⁰. Историческое право в качестве инструмента пропаганды широко применялось противоборствующими сторонами и создавало дополнительные затруднения при определении принадлежности территорий.

Главными проводниками идеологии и политического влияния в Македонии в 1880-х гг. выступали церковь и школы. Из донесений российских дипломатов видно, что на тот момент образование в Македонии находилось в руках греческого духовенства¹¹. Развитию болгарского школьного дела препятствовали не только греки, но и турецкая администрация, которая арестовывала учителей и конфисковывала учебную литературу из-за связей болгар с революционными организациями¹². Сербская пропаганда в 1880-е гг. еще не имела каких-либо существенных успехов в школьном деле¹³.

Борьба болгар за епископские кафедры Македонии в 1878–1886 гг. и русская дипломатия

Решающим событием для закрепления той или иной административной единицы в Македонии за определенной национальностью являлось назначение собственных митрополитов на значимые церковные кафедры. После назначения патриархом каждый архиерей получал от Порты берет (документ, дающий право на служение), с которым он уже приступал к своему служению. Противостояние болгар и греков в Македонии конца 1880-х гг. проявлялось главным образом в соперничестве за получение бератов на церковные кафедры в этой области¹⁴. Одной из основных задач российской дипломатии было примирение греков с болгарам и отмена провозглашенной в 1872 г. болгарской схизмы¹⁵.

Если сербы добивались от Константинополя назначения митрополитов из своей среды, то после 1872 г. болгарские архиереи получали бераты по представлению экзарха в Константинополе. Российские дипломаты следовали общей линии, направленной на постепенное замещение архиереев-греков Македонии славянами. Сложнее обстояло дело с сербско-болгарским противостоянием. Казалось бы, после 1872 г. устранялось главное препятствие канонического характера — невозможность назначения двух архиереев в один город. Вместе с тем российские представители старались, насколько позволяли обстоятельства, игнорировать схизму; она считалась явлением временным, а назначение двух славянских епископов в один город представлялось и вовсе невозможным. Таким образом, с одной стороны, дипломаты не могли отказывать болгарам в традиционной поддержке, с другой, избегали входить в открытый конфликт с патриархией и помогали лояльным к ней сербам. Кроме того,

позиция посольства в тот или иной момент руководствовалась отношениями России с сербским и болгарским правительствами, а также обстоятельствами более глобального характера, требовавшими максимальной сдержанности в балканском регионе.

Итак, поддержку болгар в их стремлении занять церковные кафедры в областях Македонии со смешанным населением Россия оказывала не всегда и не в полной мере¹⁶. Поддержка российского посольства в Константинополе проявилась в попытке добиться от Порты выдачи бератов болгарским архиереям в епархии Македонии, однако ввиду сдержанной политики России добиться успехов Болгарский экзархат смог только с начала 1890-х гг.¹⁷ Вице-консул в Битоли Л. А. Няга пишет об обращении болгар и их просьбе содействовать в назначении болгарских епископов в Битоли¹⁸, на что посол в Константинополе Е. П. Новиков отвечает, что «следует не поддерживать несвоевременные настроения битольских болгар, упускающих из-за своих местных интересов истинные выгоды православия, а, напротив, умерять»¹⁹.

Иллюстрацией политики сдерживания болгар могут служить рекомендации М. К. Ону²⁰ генеральному консулу в Салониках А. А. Якобсону²¹ в сентябре 1882 г. По его словам, болгарам необходимо «прекратить в Македонии всякую политическую и религиозную пропаганду, ограничиваясь только пропагандой национальной, то есть поддержанием, укреплением и распространением болгарской народности, преимущественно путем народного образования без всякой цели отделения от патриархии. Не следует в самом деле терять из виду, что ни греки, ни болгары не призваны предрешать будущее разграничение Македонии: разрешение политических судеб ее принадлежит великим историческим событиям и великим державам, преимущественно же России»²².

Итак, в 1880-е гг. российская дипломатия старалась устранить противоречия между греками и болгарам, которые, по мнению М. К. Ону, «служит только к сохранению турецкого владычества на Балканском полуострове и к распространению на нем западного католического влияния, тогда как союз их был бы верным залогом их полного освобождения и самобытного развития в будущем»²³. Поэтому назначение болгарских архиереев от экзархата, о которых ходатайствует А. А. Якобсон, как считает Ону, несвоевременно, так как это лишь обострило бы вражду и дало бы грекам основание настаивать на принятии Портой более решительных мер против действий болгарской пропаганды²⁴. Напротив, консул должен склонять враждующие стороны к «желанному соглашению»²⁵.

Другой задачей русских дипломатов было сдерживать антиболгарское движение греков в Македонии. В 1884–1885 гг. в донесениях А. А. Якобсона говорилось об организации греческим духовенством антиболгарских выступлений в Македонии. Российское посольство потребовало от патриархии принять меры в отношении греческого духовенства; однако патриарх Иоаким IV отверг все обвинения²⁶. Изменение отношений между Россией и Болгарией в 1886 г.

вынудило скорректировать политику российской дипломатии. В секретной инструкции консулу в Салониках в 1886 г. И. С. Ястребову²⁷ говорилось, что России не следует поддерживать только одну национальность Македонии ввиду того, что каждая из них может быть полезна для «достижения наших собственных политических целей»²⁸. Подобное мнение выражал и обер-прокурор К. П. Победоносцев в письме товарищу министра Н. П. Шишкину²⁹: в македонском вопросе замешаны сербы, греки, турки и болгары, следовательно, необходимо соблюдать интересы всех, не выделяя никого, дабы не усугубить политическое положение на Балканах. Ведь «так называемые церковные вопросы на востоке в сущности вопросы политические»³⁰, поэтому прямое вмешательство невозможно³¹.

Поддержка сербских притязаний на Македонию

Еще одним претендентом на территории Македонии была Сербия. Россия начала оказывать ей поддержку после разрыва отношений с Болгарией, чтобы ослабить австро-венгерское влияние и обеспечить в Белграде стабильное русофильское правительство³². Российская дипломатия также выражала беспокойство по поводу сообщений о возможных беспорядках в Македонии как результате активной революционной деятельности болгар, поэтому стремилась сохранить баланс сил на Балканах³³. Так, например, в инструкции дипломатическому агенту России в Болгарии Н. В. Чарыкову говорилось о том, что Россия не может «допустить ни с чьей стороны попыток, клонящихся к внезапному и насильственному разрушению этой империи (Османской. — О. М.)»³⁴, поэтому в Македонии следует пока ограничиться введением некоторых местных реформ для стабилизации положения. Такая отсрочка македонского вопроса была необходима России из-за активизации внешней политики на Дальнем Востоке. Министр иностранных дел А. Б. Лобанов-Ростовский писал в этой связи: «...нам надо бы поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы не разделаемся с другими, более спешными делами»³⁵.

В целом российская политика в отношении Балкан со второй половины 1890-х гг. действительно характеризуется как пассивная. Российские дипломаты старались «охлаждать известное рвение, как сербских, так и болгарских пропагандистов в Македонии <...> относиться к обоим сторонам с полным беспристрастием»³⁶. При открытии российского консульства в Ускюбе в 1893 г. А. И. Нелидов пишет в январе 1894 г. инструкцию первому консулу Ф. К. Лисевичу о задачах консульства в сохранении существующего положения. Ему предписывалось «отнюдь не вмешиваясь в племенную борьбу между болгарам и сербами, но стараясь, напротив, сглаживать их взаимную вражду и действовать на обе стороны примиряющим способом. <...> Являясь заступником сербов, Вы ни в каком случае не должны становиться врагом болгар, тем более что как те, так и другие, весьма неустойчивы в своих политических

предпочтениях, и наш интерес состоит исключительно в том, чтобы народности эти, сохраняя свою самобытность, не подпадали под чужеземное, враждебное нам влияние и не ослабляли себя взаимными преследованиями и братоубийственной враждой»³⁷. Консулу следовало продолжать политику примирения болгар с греками, бороться с католической пропагандой и румынскими притязаниями, поддерживаемыми Австрией и, кроме того, уделить пристальное внимание деятельности австрийских агентов, которые препятствовали проведению Россией политики объединения славян. Наконец, Ф. К. Лисевич должен был поддерживать дружеские отношения с турецкой властью, чтобы иметь возможность помогать православному населению.

В Битольском вилайете, по донесениям А. А. Ростковского³⁸ 1898 г., сербская пропаганда после увеличения финансирования из Сербии начала делать значительные успехи³⁹. Болгарская пропаганда, говорилось в донесении австрийского дипломатического агента, достигла немалых успехов — довольно значительная часть населения Македонии была склонна относить себя к болгарской национальности, однако и деятельность сербской пропаганды не была безуспешной⁴⁰. В других вилайетах Македонии сербо-болгарская борьба в конце XIX в. также находилась в активной фазе и велась с каждым годом ожесточеннее⁴¹. В российских донесениях постоянно отмечается жестокий характер деятельности болгарских чет (партизанских отрядов) в Македонии. Консул в Скопие В. Ф. Машков докладывал, что, в отличие от сербов, везде, где есть «болгарские школы — там революционные гнезда»⁴², сосредоточение деятельности болгарской пропаганды.

Разговоры российских консулов с руководителями противоборствующих пропаганд о выборе умеренных средств борьбы либо не приводили к изменениям, либо имели краткосрочное действие⁴³. Поскольку сербы, в отличие от болгар и греков, вели свою национальную борьбу методами политической и культурной пропаганды, избегая вооруженных и партизанских действий, то они, как отмечали консулы, заслужили благосклонное отношение со стороны османских властей⁴⁴.

Сербы в своих притязаниях на Македонию рассчитывали на поддержку России, с одной стороны, и материальную помощь Австрии — с другой. Удачным примером успешных результатов работы российской дипломатии в усилении церковного влияния Сербии в Македонии являлось «дело Фирмилиана» (назначение митрополита-серб в Скопие)⁴⁵.

Реформы в Македонии в донесениях консулов

В депешах российских дипломатов постоянно обсуждалась необходимость проведения реформ в Македонии и возможное изменение ее административного статуса. По Берлинскому трактату Турция должна была начать преобразование судебной-административной системы Македонии, однако этого не делалось.

Местное население не раз обращалось к российским представителям в Македонии с вопросом о начале проведения реформ. В ноябре 1895 г. вице-консул в Битоли А. А. Ростковский на подобный вопрос отвечал, что требовать от Порты исполнения обязательств на данный момент «трудно, так как до сих пор не решен вопрос об этнографическом разделении Македонии и что введение реформ только обострит еще более антагонизм между враждующими народностями, желающими уничтожить окончательно соперников и радующимися, когда им удастся возбудить турок против другого христианского элемента»⁴⁶. В июле 1898 г. А. А. Ростковский, тем не менее, снова возвращается к необходимости проведения реформ в Македонии. Возможность восстания в регионе он отрицал, указывая на пассивность местного населения⁴⁷. Для нормализации ситуации в Скопийском вилайете консул В. Ф. Машков, помимо реформ в судебной системе, предлагал: разграничить болгарскую и сербскую сферы влияния в Македонии, перевести болгарского митрополита Синесия и удалить секретаря болгарского агентства Наумова, которые подрывали спокойствие в регионе и излишне активно проводили свою пропаганду⁴⁸. В сложившейся ситуации было крайне необходимо, по мнению В. Ф. Машкова, поддерживать открытие новых сербских школ⁴⁹. Генеральный консул в Салониках А. А. Гирс снова предлагал в декабре 1902 г. в качестве решения македонского вопроса разграничить сферы влияния Македонии между болгарами и сербами при посредничестве России⁵⁰. Вариант с разделением Македонии на сферы влияния рассматривался российской политикой как возможный при ускоренном решении македонского вопроса: в таком случае действия России были бы направлены на образование автономной области, независимой ни от Сербии, ни от Болгарии⁵¹. Тем не менее все проекты и обсуждения по преобразованию Македонии российскими дипломатами откладывались, как и само решение македонского вопроса, на неопределенное время.

Илинден-Преображенское восстание 1903 г. заставило Россию и Австро-Венгрию немного скорректировать свой внешнеполитический курс и взяться за непосредственную разработку проекта реформ в Македонии. Мюрцштегское соглашение, однако, не смогло кардинально изменить ситуацию в Македонском регионе, что в дальнейшем привело к Балканским войнам и Первой мировой войне⁵².

Заключение

Итак, македонский вопрос занимает центральное место в политической картине южной части Балканского полуострова после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Анализ деятельности российских консулов в Македонии демонстрирует их роль в проведении гибкой политики, направленной на сохранение статус-кво в регионе в условиях усиливавшегося противостояния между славянскими народами, греками и османской администрацией. Консулы активно

участвовали в улаживании национальных и церковно-политических конфликтов, собирали ценные сведения о реальной ситуации в регионе. Применяя методы мягкой силы (в первую очередь налаживая контакты с духовенством и местным населением), российские дипломаты создавали и поддерживали определенный положительный образ великой освободительницы и христианской защитницы России. С помощью тех же церковных методов проводилась политика мирного урегулирования македонского вопроса, а также предотвращались и смягчались национально-политические конфликты. В связи с этим общим принципом работы российских дипломатов в Македонии было постоянное взаимодействие с церковными структурами, что являлось характерным для политики на Ближнем Востоке в целом. Определение этого принципа позволяет глубже понять механизмы внешнеполитического влияния России на Балканах в конце XIX — начале XX в.

¹ Блуднова Е. Ю. Н. П. Игнатьев о восточном (балканском) вопросе // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. 2006. № 1. С. 95–99; Герд Л. А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С. 103; Игнатьев Н. П. Граф Н. П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. М., 2015; Моисеева О. А. Отношения Российского МИДа и Св. Синода с Болгарской Православной Церковью в период правления Александра III // Переломные моменты истории: люди, события, исследования. К 350-летию со дня рождения Петра Великого: Мат. междуна. науч. конференции: в 3 т. / Под ред. С. И. Бугашева, Ю. В. Ватониной, А. С. Минина. СПб., 2022. Т. 3. С. 188.

² См. подробнее: Петрунина О. Е. 1) «Великая идея» в Греции как политическая программа // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2002. № 4. С. 57–67; 2) Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития. М., 2010. С. 371–519; Dakin D. The Greek Struggle in Macedonia, 1897–1913. Institute for Balkan Studies, 1966; Deringil S. Η Κατά Προσταγεσόμενῃ Επικράτειᾳ. Ἰδεολογία καὶ νομιμοποίηση τῆς ἐξουσίας στὴν Ὀθωμανικὴ Αυτοκρατορία (1876–1909). Αθήνα, 2003. Константинопольская церковь «казалась лишь оплотом эллинизма», что она служит национальным эллинским интересам, является орудием и органом Греческого правительства (Венедиктов В. Ю. Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского патриархата во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 76).

³ Македонский вопрос можно рассматривать и самостоятельно, и как часть Восточного вопроса.

⁴ Открыто 31 марта 1783 г.

⁵ Открыто в 1887 г.

⁶ Открыто 23 апреля 1861 г.

⁷ См. подробнее: Дневник / Бълг. екзарх Йосиф I; текст, комент. и бел. Х. Темелски; под ред. на проф. Т. Съев. София, 1992. С. 76; Дубовик О. А. Стефан Стамболов и македонский вопрос: выработка стратегии // Славяноведение. 2022. № 1. С. 9; Стамболов С. Личен архив (писма, телеграми, записки и дневници) / Съст. М. Куманов. София, 1997. Т. 1. С. 496–497.

⁸ Об этом также пишет «Церковный вестник» и дает описание состояния борьбы за Македонию в 1885 г. См. подробнее: Современные народно-религиозные движения на пра-

- вославно-славянском юге // Церковный вестник. 1885. № 29. Ч. 2. С. 460. О болгарях в Македонии см.: *Митич А.* Российский имперский проект Болгарского экзархата и Сан-Стефанской Великой Болгарии // Россия и славянские народы в XIX–XXI вв.: Материалы международной научной конференции. Брянск, 2020. С. 97–107.
- ⁹ *Сквозников А. Н.* Македония в конце XIX — начале XX столетия: «Яблоко раздора» на Балканах // Известия Самарского научного центра РАН. 2007. Т. 9, № 2. С. 486.
- ¹⁰ См. подробнее: *Лукин П. Е., Сафонов А. А.* В сердце Балкан: Очерки истории Македонии (с древнейшего времени до начала XXI века). М., 2018. С. 32–53.
- ¹¹ *Герд Л. А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С. 247; *Депеша А. И. Нелидова.* 13 января 1883 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 246. Л. 81 — 81 об.; *Dakin D.* The Greek Struggle in Macedonia, 1897–1913. P. 20–21.
- ¹² Донесение А. И. Нелидова. 20 декабря 1882 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 53. 2 отд. 3 ст. Д. 6. Л. 2–3; Записка М. К. Ону. Апрель 1888 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 58. 2 отд. 3 ст. Д. 128. Л. 3 — 3 об.; Л. А. Няга — Е. П. Новикову. 24 августа / 5 сентября 1880 г. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1432. Л. 118 — 120 об.
- ¹³ *Депеша А. И. Нелидова.* 17/29 августа 1895 г. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2614. Л. 92 об.; *Тимофеев А. Ю.* Крест, кинжал и книга: Старая Сербия в политике Белграда, 1878–1912. СПб., 2007. С. 149, 164.
- ¹⁴ Борьба за церковные кафедры после объявления Константинопольским патриархатом схизмы в 1872 г. См. подробнее: *Дневник; Герд Л. А.* Константинополь и Петербург. С. 239–307; *Солошенко Д. А.* Причины греко-болгарской схизмы 1872–1945 гг. // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Труды V Всероссийской научно-практической конференции. Брянск, 2019. С. 141–147; *Галушко А. Ю.* Греко-болгарский церковный вопрос: интересы России между греками и болгарами // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 26 (737). С. 38–50; *Моисеева О. А.* Участие России в борьбе за Македонию между Константинополем и Болгарским экзархатом в 1880–90-е гг. // Теология: теория и практика. 2022. Т. 1. № 3. С. 43–69; *Теплов В.* Греко-болгарский вопрос по неизданным источникам: Ист. исслед. В. Теплова. СПб., 1889; *Дюлгерова Н.* Българският национален въпрос в политиката на Русия и Австро-Унгария, 1894–1903. София, 1994.
- ¹⁵ *Абакумов С. Н.* Межцерковное взаимодействие русской и болгарской православных церквей во 2-й половине XIX — начале XX в. // Вестник государственного и муниципального управления. 2020. Т. 9, № 2. С. 63–69; *Дубовик О. А.* Стефан Стамболов и македонский вопрос. С. 5–20; *Загрийчук И. М.* Отношение духовенства и мирян Русской церкви к Константинопольскому патриарху на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные вопросы церковной науки. 2019. № 1. С. 201–204; *Константинова Ю. 1)* Българи и гърци в борба за османското наследство. В. Търново, 2014; *2)* Българите в османския Солун. София, 2020; *Снегаров И.* Отношенията между Българската църква и другите православни църкви след провъзгласяването на схизмата // Църковен архив. 1929. Кн. 3–5. С. 174; *Stamatopoulos D.* Balkan Nationalism(s) and the Ottoman Empire. Vol. I: National Movements and Representations. Istanbul, 2015; *Aarbakke V.* Ethnic Rivalry and the Quest for Macedonia 1870–1913. Boulder, 2003; *Kofos E.* Attempts at Mending the Greek-Bulgarian Ecclesiastical Schism (1875–1902) // Balkan Studies. 1984. No. 2. P. 347–375.
- ¹⁶ Болгары в итоге получили бераты на следующие кафедры: Охрид, Скопие, Велес, Неврокоп, Битоли, Дебар и Струмица Корстурская, Леринская, Воденская, Солунская, Кукушская, Серская, Мельнишская, Драмская епархии не получили бератов, но имели архиепископских наместников.
- ¹⁷ См., например, отзыв А. И. Нелидова о политике в Македонии: «На все попытки к предположению Македонского вопроса и гадательному разграничению населяющих Македонию народностей Императорский кабинет отзывался невозможностью установить заранее границы, которых точная черта не может быть заранее определена, ни путем ученых изысканий, ни административными расследованиями, ни даже полюбовным

- соглашением заинтересованных и до страсти возбужденных соперничеством жителей. Поэтому, держась неуклонно на почве примирительной деятельности, императорское посольство, в силу получаемых им указаний, поддерживало права болгар и домогательства экзархата, постоянно внушая ему, однако, умеренность и воздержание от новых нарушений прав Великой церкви» (Депеша А. И. Нелидова. 7/29 мая 1890 г. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3426. Л. 127 — 127 об.).
- ¹⁸ Л. А. Няга — Е. П. Новикову. 10/22 ноября 1880 г. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1432. Л. 138—139.
 - ¹⁹ Е. П. Новиков — Л. А. Няге. 1 декабря 1880 г. // Там же. Л. 160 об.
 - ²⁰ Петрунина О. Е. Михаил Константинович Ону: штрихи к портрету дипломата // Славяне и Россия: Балканы и российский дипломатический корпус. XVIII—XXI вв. М., 2024. С. 36—50.
 - ²¹ Георгиева Т. Н. Россия и болгарская общность в Салониках во второй половине XIX в. (по материалам консульских донесений) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Т. 14, № 3—4. С. 7—22.
 - ²² М. К. Ону — А. А. Якобсону. 16 сентября 1882 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 52. 2 отд. 3 ст. Д. 305. Л. 2 об.
 - ²³ Там же. Л. 3.
 - ²⁴ Там же. Л. 3 — 3 об.
 - ²⁵ Там же. Л. 3 об.
 - ²⁶ См. подробнее: Герд Л. А. Константинополь и Петербург. С. 259.
 - ²⁷ Искендеров П. А. Русский консул Иван Степанович Ястребов о населении Косово // Материалы для виртуального Музея славянских культур. Вып. 1. Сб. науч. статей / Сост., отв. ред. И. И. Калиганов. М., 2020. С. 114—118.
 - ²⁸ Цит. по: Герд Л. А. Константинополь и Петербург. С. 263.
 - ²⁹ Шишкин Николай Павлович // Петербургский некрополь: в 4 т. / Сост. В. И. Саитов. СПб., 1913. Т. 4 (С—Ф). С. 550.
 - ³⁰ К. П. Победоносцев — Н. П. Шишкину. 29 мая 1892 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 62. 2 отд. 3 ст. Д. 4. Л. 22.
 - ³¹ Там же. Л. 20 — 23 об.
 - ³² См. подробнее: Герд Л. А. Константинопольский Патриархат и Россия. 1901—1914 гг. М., 2012. С. 97.
 - ³³ В. Ф. Машков — И. А. Зиновьеву. 20 апреля 1900 г. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2639. Л. 53—54; Bridge F. R. Austro-Hungarian documents relating to the Macedonian struggle 1896—1912. Thessaloniki, 1976. С. 55—56.
 - ³⁴ Сквозников А. Н. Российская дипломатия о путях решения македонской проблемы в конце XIX — начале XX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 2. С. 82.
 - ³⁵ Цит. по: Сквозников А. Н. Российская дипломатия... С. 83.
 - ³⁶ Депеша И. А. Зиновьева. 19/31 марта 1898 г. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2620. Л. 8 — 8 об.
 - ³⁷ А. И. Нелидов — Ф. К. Лисевичу. 20 января 1894 г. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 1466. Л. 11 об. — 12.
 - ³⁸ Заркович С. В. Александр Аркадьевич Ростковский — защитник и жертва за свободу сербского и славянского населения в Битольском вилайете // Политическое пространство и социальное время: аксиология власти и общественный идеал. Сборник научных трудов ХLI Межд. Харакского форума / Под общ. ред. Т. А. Сеньюшкиной, науч. ред. Е. А. Сеньюшкин. Симферополь, 2023. С. 141—147; Ямбаев М. Л. Русский консул на Балканах // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2010. Т. 5. С. 232—242.
 - ³⁹ А. А. Ростковский — И. А. Зиновьеву, 4 ноября 1898 г. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1450. Л. 62 — 62 об.
 - ⁴⁰ Р. Погачер — Г. Кальюки. 29 августа 1890 г. // Die akten aus dem haus-, hof-und staansarchiv in wien uber Mazedonien von 1879 bis 1903. Скопје, 1955. С. 27—31; Bridge F. R. Austro-Hungarian documents relating to the Macedonian struggle 1896—1912. P. 61—63.

- ⁴¹ Депенша А. И. Нелидова. 22 ноября 1890 г. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3570. Л. 53 об.; Депенша И. А. Зиновьева. 19/31 марта 1898 г. // Там же. Д. 2620. Л. 7–8; В. Ф. Машков — И. А. Зиновьеву. 28 февраля 1899 г. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3608. Л. 224–233.
- ⁴² В. Ф. Машков — И. А. Зиновьеву. 3 августа 1898 г. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3607. Л. 72 об.
- ⁴³ См. подробнее: *Ямбаев М. Л.* Русские консулы — проводники политики России в Старой Сербии на рубеже XIX–XX вв. // *Дипломаты российской империи в Старой Сербии на рубеже веков.* Белград, 2024. С. 168–169.
- ⁴⁴ Там же. С. 176.
- ⁴⁵ См. подробнее: *Моисеева О. А.* Российское посольство в деле назначения митрополита-серба в Ускюб // *Христианское чтение.* 2025. № 4. С. 410–420; *Ямбаев М. Л.* Россия и урегулирование сербско-болгарского церковного спора в Македонии (конец XIX — начало XX в.) // *Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами: К 200-летию со дня рождения М. Ф. Раевского.* М., СПб., 2013. С. 241–254.
- ⁴⁶ А. А. Ростковский — А. И. Нелидову. 28 ноября 1895 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 65. 2 отд. 3 ст. Д. 85. Л. 59.
- ⁴⁷ А. А. Ростковский — И. А. Зиновьеву. 14 июля 1898 г. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1450. Л. 37.
- ⁴⁸ О Синесии см. подробнее: *Българската възрожденска интелигенция* (енциклопедия). София: Д-р Петър Берон, 1988. С. 594; *Лельова Р. Р.* Отношения между местните екзархийски органи в Македония и ВМОРО в края на XIX — първото десетилетие на XX век // *Исторически преглед.* 2014. Т. 70, № 3–4. С. 59–87; *Моисеева О. А.* Российское посольство... С. 410–420; В. Ф. Машков — И. А. Зиновьеву. 17 ноября 1901 г. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3607. Л. 362 — 363 об.; В. Ф. Машков — И. А. Зиновьеву. 3 августа 1898 г. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3607. Л. 73–75. О Наумове см. подробнее: *Ямбаев М. Л.* Русские консулы — проводники политики... С. 188–192; В. Ф. Машков — И. А. Зиновьеву. 18 декабря 1898 г. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3608. Л. 84 об.
- ⁴⁹ См. подробнее: В. Ф. Машков — И. А. Зиновьеву. 3 августа 1898 г. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3607. Л. 107 об. Богдан Тан — болгарский агитатор, в доме которого собирались члены болгарского революционного комитета (В. Ф. Машков — И. А. Зиновьеву. 7 января 1899 г. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3608. Л. 152 об. — 153).
- ⁵⁰ *Сквозников А. Н.* Российская дипломатия... С. 85. См. подробнее: *Ямбаев М. Л.* Русские консулы — проводники политики... С. 208–209.
- ⁵¹ См. подробнее: Депенша И. А. Зиновьева. 19/31 марта 1898 г. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2620. Л. 8 об.
- ⁵² *Лалков М.* Мюрцщегската реформена програма 1903–1908 гг. // *Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи 1878–1944.* Т. 3. София, 1997. С. 8–25.

References

- Aarbakke, V. *Ethnic Rivalry and the Quest for Macedonia 1870–1913*. Boulder, East European Monographs, 2003, xii, 196 p.
- Abakumov, S. N. Mezhtserkovnoe vzaimodeistvie russkoi i bolgarskoi pravoslavnykh tserkvei vo 2-i polovine XIX — nachale XX vv. [Inter-Church Interaction of the Russian and Bulgarian Orthodox Churches in the 2nd Half of the 19th — Early 20th Centuries. In Russ.]. In *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2020. Vol. 9, no. 2, pp. 63–69.

Bludnova, E. Yu. N.P. Ignat'ev o vostochnom (balkanskom) voprose [N.P. Ignatiev on the Eastern (Balkan) Question. In Russ.]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2006. No. 1, pp. 95–99.

Dakin, D. *The Greek Struggle in Macedonia, 1897–1913*. Institute for Balkan Studies, 1966, 538 p.

Dubovik, O. A. Stefan Stambolov i makedonskii vopros: vyrabotka strategii [Stefan Stambolov and the Macedonian Question: Developing a Strategy. In Russ.]. In *Slavyanovedenie*. 2022. No. 1, pp. 5–20.

Galushko, A. Yu. Greko-bolgarskii tserkovnyi vopros: interesy Rossii mezhdru grekami i bolgarami [The Greek-Bulgarian Church Question: the Interests of Russia between Greeks and Bulgarians. In Russ.]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2015. No. 26 (737), pp. 38–50.

Georgieva, T. N. Rossiya i bolgarskaya obshchnost' v Salonikakh vo vtoroi polovine XIX v. (po materialam konsul'skikh doneseniï) [Russia and the Bulgarian Community in Thessaloniki in the Second Half of the 19th Century (Based on the Materials of Consular Reports). In Russ.]. In *Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii*. 2019. Vol. 14, no. 3–4, pp. 7–22.

Gerd, L. A. *Konstantinopol' i Peterburg: tserkovnaya politika Rossii na pravoslavnom Vostokey (1878–1898)* [Constantinople and St. Petersburg: Russia's Church Policy in the Orthodox East (1878–1898). In Russ.]. Moscow, Indrik publ., 2006, 448 p.

Gerd, L. A. *Konstantinopol'skii Patriarkhat i Rossiya. 1901–1914 gg.* [The Patriarchate of Constantinople and Russia. 1901–1914. In Russ.]. Moscow, Indrik publ., 2012, 319 p.

Iskenderov, P. A. Russkii konsul Ivan Stepanovich Yastrebov o naselenii Kosovo [Russian Consul Ivan Stepanovich Yastrebov on the Population of Kosovo. In Russ.]. In Kaliganov, I. I. (ed.) *Materialy dlya virtual'nogo Muzeya Slavyanskikh Kul'tur*. Iss 1. Collection of scientific articles. Moscow, 2020, pp. 114–118.

Kofos, E. Attempts at Mending the Greek-Bulgarian Ecclesiastical Schism (1875–1902). In *Balkan Studies*. 1984. No. 2, pp. 347–375.

Lelova, R. R. Otnosheniya mezhdru mestnitye ekzarkhiiskii organi v Makedoniya i VMORO v kraia na XIX — p"rvoto desetiletie na XX vek [The Relationship between the Local Exarchal Organization in Macedonia and the Maritime Region in the 19th — First Decade of 20th Century. In Bulg.]. In *Istoricheski pregled*. 2014. Vol. 70, no. 3–4, pp. 59–87.

Lukin, P. E., Safonov, A. A. *V serdtse Balkan: Ocherki istorii Makedonii (s drevneishego vremeni do nachala XXI veka)* [In the Heart of the Balkans: Essays on the History of Macedonia (from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century). In Russ.]. Moscow, Indrik publ., 2018, 192 p.

Moiseeva, O. A. Rossiiskoe posol'stvo v dele naznacheniya mitropolita-serba v Uskyub [The Russian Embassy in the Appointment of the Serbian Metropolitan to the Uskub. In Russ.]. In *Khristianskoe chtenie*. 2025. No. 4, pp. 410–420.

Petrutina, O. E. *Grecheskaya natsiya i gosudarstvo v XVIII–XX vv.: ocherki politicheskogo razvitiya* [The Greek Nation and the State in the XVIII–XX Centuries: Studies in Political History. In Russ.]. Moscow, KDU publ., 2010, 744 p.

Petrutina, O. E. "Velikaya ideya" v Gretsii kak politicheskaya programma [The "Great Idea" in Greece as a Political Program. In Russ.]. In *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*. 2002. No. 4, pp. 57–67.

Petrutina, O. E. Mikhail Konstantinovich Onu: shtrikhi k portretu diplomata [Mikhail Konstantinovich Onu: Touches to the Portrait of a Diplomat. In Russ.]. In *Slavyane i Rossiya: Balkany i rossiiskii diplomaticheskii korpus. XVIII–XXI vv.* Moscow, Institut Slavyanovedeniya RAN publ., 2024, pp. 36–50.

Skvoznikov, A. N. Makedoniya v kontse XIX — nachale XX stoletiya: "Yabloko razdora" na Balkanax [Macedonia in the Late 19th and Early 20th Centuries: The "Apple of Discord" in the Balkans. In Russ.]. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 2007. Vol. 9, no. 2, pp. 486–494.

Skvoznikov, A. N. Rossiiskaya diplomatiya o putyakh resheniya makedonskoi problemy v kontse XIX — nachale XX veka [Russian Diplomacy on Ways to Solve the Macedonian Problem in the Late 19th — Early 20th Century. In Russ.]. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 2010. Vol. 12, no. 2, pp. 82–86.

Soloshenko, D. A. Prichiny greko-bolgarskoi skhizmy 1872–1945 gg. [The Causes of the Greek-Bulgarian Schism of 1872–1945. In Russ.]. In Adzhieva, L. S. (ed.) *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk. Trudy V Sverossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Bryansk, Istoricheskoe soznanie publ., 2019, pp. 141–147.

Stamatopoulos, D. *Balkan Nationalism(s) and the Ottoman Empire. Vol. I: National Movements and Representations*. Istanbul, Isis Press, 2015, 66 p.

Timofeev, A. Yu. *Krest, kinzhal i kniga: Staraya Serbiya v politike Belgrada, 1878–1912*. [Cross, Dagger and Book: Old Serbia in the Politics of Belgrade, 1878–1912. In Russ.]. St. Petersburg, Aleteya publ., 2007, 235 p.

Yambaev, M. L. Russkie konsuly — provodniki politiki Rossii v Staroi Serbii na rubezhe XIX–XX vv. [Russian Consuls — the Guides of Russia's Policy in Old Serbia at the Turn of the 19th — 20th Centuries. In Russ.]. In *Diplomaty rossiiskoi imperii v Staroi Serbii na rubezhe vekov*. Belgrade, Russian Scientific Institute press, 2024, pp. 165–246.

Yambaev, M. L. Russkii konsul na Balkanakh [The Russian Consul in the Balkans. In Russ.]. In *Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii*. 2010. Vol. 5, pp. 232–242.

Zagriychuk, I. M. Otnoshenie dukhovenstva i miryan Russkoi tserkvi k Konstantinopol'skomu patriarkhu na rubezhe XIX–XX vv. [The Attitude of the Clergy and Laity of the Russian Church to the Patriarch of Constantinople at the Turn of the 19th — 20th Centuries. In Russ.]. In *Aktual'nye voprosy tserkovnoi nauki*. 2019. No. 1, pp. 201–204.

Zarkovich, S. V. Aleksandr Arkad'evich Rostkovskii — zashchitnik i zhertva za svobodu serbskogo i slavyanskogo naseleniya v Bitol'skom vilaiete [Alexander Arkadyevich Rostkovsky — Defender and Victim for the Freedom of the Serbian and Slavic Population in the Bitola Vilayet. In Russ.]. In Senyushkina, T. A. (ed.) *Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremya: aksiologiya vlasti i obshchestvennyi ideal. Sbornik nauchnykh trudov XLI Mezhdunarodnogo Kharakskogo foruma*. Simferopol, 2023, pp. 141–147.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

**О. А. Моисеева. Роль российского дипломатического корпуса на Балканах в македонском вопросе (1878–1903 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2026. № 3. С. 169–182.
DOI 10.51255/2311–603X_2026_3_169**

Аннотация: Македонский вопрос как часть Восточного вопроса появился на политической арене после Берлинского трактата 1878 г. За европейское наследие Турции во второй половине 1890-х гг. боролись населявшие провинцию Македонию греки и болгары, а также присоединившиеся к разделу территории сербы. Внешнеполитический курс России в этот период был направлен на сохранение статус-кво в регионе, поэтому задача российских дипломатов заключалась в том, чтобы максимально отсрочить разделение Македонии до более благоприятных времен. Консулам надлежало решать конфликтные ситуации национально-церковного и политического характера, используя связи с церковными и светскими главами местных христианских общин. Примирие противоборствующих сторон и создание единого славянского «православного дома» с перспективой дальнейшего его использования при разделе европейской Турции под эгидой России являлось насущной задачей русской политики 1880–1890-х гг. Церковь в македонском вопросе, таким образом, служила прикрытием и инструментом для проведения национально-территориальных и политических изменений. В статье отражены наиболее яркие примеры роли дипломатов в македонском вопросе, рассмотрены особенности восприятия российским МИД проблем на Балканах и пути предполагаемого их решения.

Ключевые слова: македонский вопрос, консулы в Македонии, российская политика, великие державы, Болгарский экзархат, греко-болгарская распря, Порта, бераты, церковная дипломатия, Сербия, Солоники, Ускюб, Битоли.

FOR CITATION

**O. A. Moiseeva. The Role of the Russian Diplomatic Corps in the Balkans in the Macedonian Question (1878–1903) // Petersburg Historical Journal, no. 3, 2026, pp. 169–182.
DOI 10.51255/2311–603X_2026_3_169**

Abstract: The Macedonian Question, as an integral component of the Eastern Question, emerged on the political stage following the Treaty of Berlin in 1878. In the second half of the 1890s, Greeks and Bulgarians inhabiting the province of Macedonia, as well as Serbs who subsequently joined the territorial contest, vied for the European legacy of the Ottoman Empire. Russia's foreign policy trajectory during this period was aimed at preserving the status quo in the region; consequently, the primary objective of Russian diplomats was to postpone the partition of Macedonia for as long as possible until more favorable circumstances arose. Consuls were tasked with resolving conflicts of an ethno-ecclesiastical and political nature by leveraging their ties with

the ecclesiastical and secular leaders of local Christian communities. The reconciliation of opposing factions and the creation of a unified Slavic “Orthodox house”, with the prospect of its subsequent utilization in the partition of European Turkey under Russian auspices, constituted a pressing objective of Russian policy in the 1880s and 1890s. Thus, within the context of the Macedonian Question, the Church served as both a cover and an instrument for facilitating ethno-territorial and political transformations. The present article elucidates the most prominent examples of the role played by diplomats in the Macedonian Question, examines the specific features of the Russian Ministry of Foreign Affairs’ perception of Balkan issues, and explores the proposed pathways for their resolution.

Key words: the Macedonian question, consuls in Macedonia, Russian politics, the great powers, the Bulgarian Exarchate, the Greek-Bulgarian feud, Porta, Beraty, church diplomacy, Serbia, Thessaloniki, Uskub, Bitola.

Автор: **Моисеева, Ольга Алексеевна** — аспирант, младший научный сотрудник Отдела источниковедения Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Moiseeva, Olga Alekseevna** — a postgraduate student and junior researcher at the Department of Source Studies at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: helgahistorian5moi@gmail.com
ORCID 0000-0003-3633-7476